

Публичная социология

Появление новой рубрики в журнале нуждается в определенном представлении и обосновании. Несмотря на укорененность введенного Майклом Буравым концепта¹, понятие публичной социологии не породило новую дисциплину, но дало новый дискурсивный формат для темпераментных и гражданственно позиционированных социологов, которые не только в состоянии провести исследования на острые социальные темы, но и презентовать их как социологическому сообществу, так и вне-социологическим аудиториям.

Нам бы хотелось представить эту рубрику также глазами российского социолога, известного своей публичной позицией и профессиональной биографией в духе драматической социологии — Андрея Алексеева². Рассуждая о содержании этого понятия, он отталкивается от системы понятий, связанных с публичной социологией Буравого, типов знания, — *профессионального, прикладного, публичного и критического*. Алексейев наполняет это понятие дополнительными смыслами:

публичная социология как *общественная*, преследующая цели общества в целом;

публичная социология как *актуальная* социология, реагирующая на острые конфликтные проблемы;

публичная социология как *демократическая* социология, язык которой понятен и адаптирован для не-социологов;

публичная социология как *диалогическая*, рассчитанная на дальнейшее обсуждение с обществом;

публичная социология как *гражданственная* социология, подразумевающая активную жизненную и научную позицию исследователя по отношению гражданскому обществу, защиты прав и т. д.;

наконец, публичная социология как *открытая* социология, не лимитирующая доступ ни к информации, ни к способу ее получения.

Вывод, который делает Алексейев, заключается в том, что публичная открытая социология, которая остается идеальным проектом, может быть результатом усилия самих социологов. То есть, извне на нее социального заказа нет.

---

¹ О публичной социологии см. Burawoy M. For public sociology // American Sociological Review. 2005. № 70. P. 4–28.

² Подробнее об этом см. Алексейев А. Н. Что такое публичная социология? URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_public.html (дата обращения: 25.11.2015).

«Управляемый хаос» — от теории к социальной практике российской «глубинки»

Ольга Казьмина*

Автор рассматривает проблему социального хаоса в контексте современных практик генерирования и «сброса» рисков в окружающую природную и социальную среду на примере взаимодействия риск-производителя корпорации УГМК¹ и риск-потребителя — населения-жителей Новохоперского района Воронежской области.

Дается анализ социальных стратегий в достижении целей экономического доминирования и приватизации функций управления территориями, которые ставят перед собой современные хозяйствующие субъекты, а также анализ вероятных социальных последствий реализации этих стратегий. В такой ситуации индивиду и обществу отводится роль не социального субъекта, а объекта, ресурса — такого же, как земля и ее недра, вся окружающая (природная и жилая) среда. Автор выясняет, каким образом эти стратегии ведут к социальной дискретности, деструкции зачатков гражданского общества, порождают социальный хаос, способствуют социальной декапитализации и препятствуют модернизации.

Ключевые слова: управляемый хаос, социальные и экологические риски, доверие, социальные стратегии, социальная дискретность, депривация, демодернизация

В настоящее время весьма часто употребляемым термином политики, пропаганды и в какой-то степени социальной аналитики становится понятие «управляемого хаоса»². Если исключить его оценочно-пропагандистский аспект и ограничиться содержанием, то можно утверждать, что это понятие используется для общей оценки современных способов продвижения различных социальных инноваций, небесспорных по перспективам и последствиям, имеющих целью изменение существенных характеристик той или иной социальной системы, вплоть до ее разрушения и замены некоей новой. В том, что эти

---

* Казьмина Ольга, кандидат философских наук, доцент Воронежского лесотехнического университета. ololka@rambler.ru.

¹ УГМК — Уральская горно-металлургическая компания.

² Особый всплеск практического и научного интереса к проблеме «управляемого хаоса» произошел под влиянием работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 г. (второе, переработанное издание — 1984 г.) и переведенной в России впервые в 1986 г. В 1992 г. Стивен Манн опубликовал в журнале Национального военного колледжа в Вашингтоне работу «Теория хаоса и стратегическая мысль», в которой соединил эту теорию с новыми геополитическими концептами завоевания превосходства. Автор прямо говорит о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создании хаоса» у противника как инструментах обеспечения национальных интересов США. (цит. по: Сундиев И. Управляемый хаос. URL: <http://svom.info/entry/262-upravlyaemyj-haos/> (дата обращения: 20.11.2015).

способы отличаются от классических социальных технологий, а сама проблема актуальна и, по меньшей мере, неясна, убеждает даже само название. Словосочетание содержит в себе противоречие — то, что управляемо, не может быть хаосом, а наличие хаоса автоматически ставит вопрос о степени управляемости исследуемых систем и процессов. В реальности разрешение, «снятие» противоречия в его толковании заключается в том, что под конспирологическим брендом просматриваются как вполне стандартные, так и в известной степени инновационные практики и технологии достижения частногрупповых целей, сопровождающиеся деструкцией всего того, что мешает выполнению этих целей в настоящем и может помешать в обозримой перспективе. Именно это порождает гибридность, амбивалентность таких социальных стратегий, позволяющих при необходимости в одних случаях генерировать и поддерживать социальный протест, в других же — противодействовать ему, выстраивая их как технологическую цепочку, безотносительно к сущностным, содержательным характеристикам преследуемых целей. Такой подход к проблеме может приблизить нас к пониманию конкретных причин, по которым управляемый хаос, генерируемый определенным актором, весьма часто перерастает планируемые пределы и масштабы и сменяется собственно хаосом — неуправляемым, когда процессы, составляющие его сущность, выходят за рамки запланированного. Возможно, это поможет ответить и на вопрос, почему эта стратегия содержит возможные предпочтения для практически любой силы, способной положить ему предел, безотносительно к тому, приведет ли новый порядок к процветанию или деградации той сферы, в которой он утверждается.

Мы рассмотрим эту проблему на примере отдельного «кейса» — проекта добычи никеля в Новохоперском районе Воронежской области компанией УГМК, проанализировав как позицию жителей в отношении предполагаемой перспективы, так и стратегию УГМК и аффилированных с ним структур и персон, посредством которой обеспечивается продвижение к избранной цели. Исследовательская задача — анализ инновационных социальных стратегий в достижении целей экономического доминирования, которые ставят перед собой современные хозяйствующие субъекты и анализ вероятных социальных последствий воплощения этих стратегий в жизнь. По нашему мнению, здесь следует говорить не о гипотетическом улучшении или ухудшении условий жизни на определенной территории, а именно об их новом качестве — социальном хаосе.

В качестве исходного материала при анализе проблемы выступает исследование, проведенное сотрудниками сектора проблем риска и катастроф ИС РАН (конец 2012 г.) в регионе, точнее, в той его части, где предполагается добыча никеля³. Оно имело своей целью выяснить отношение населения к возможному освоению медно-никелевых месторождений. Подробные итоги исследования содержатся в соответствующей аналитической записке «Среда обитания и качество жизни населения». Мы отметим здесь лишь основные его показатели — своеобразные «реперные» точки отсчета, для оценки проблемы. В том, что влияние предполагаемых разработок на жизнь и здоровье населения окажется негативным, уверены от 95 до 98% населения. Часть опрошенных (от 4 до 33%) указала на возможность и позитивных последствий: развитие промышленности, создание новых рабочих мест, вложения в инфраструктуру и т. п. Одновременно с этим от 92 до 98% опрошенных считали, что разработки значительно ухудшат состояние природной среды и здоровья, а 89% были согласны с тем, что этим разработкам необходимо препятствовать любыми способами.

Начавшиеся геологоразведочные работы и последовавшие за ними события вылились в открытые формы противодействия противников добычи никеля — местных жителей — и сторонников такой добычи в лице персонала горнодобывающей корпорации

³ Более подробную информацию об этом см.: Сайт «Движение в защиту Хопра». URL: <https://savekhopera.ru/> (дата обращения: 20.07.2015).

УГМК. В дополнение в качестве краткой характеристики Новохоперского района отметим, что он расположен в северо-восточной части Воронежской области, ведущей отраслью его экономики является сельское хозяйство, пищевая и перерабатывающая промышленность, 94% всего производства составляет производство пищевых продуктов. Район является одним из наиболее экологически чистых на территории России. Здесь расположена пойма одной из наиболее чистых рек в Европе Хопра и его притоков. В Прихоперье находятся четыре заповедника.

Рассматривая исходную позицию жителей Новохоперского района, позволим в начале предположить по крайней мере две вероятные причины негативного отношения населения к проекту:

1) население Новохоперского района является принципиальным противником технического прогресса во всех его видах и проявлениях;

2) население не видит в предполагаемых инновациях не только прогресса, но и личного смысла и конкретной пользы как для общества, так для того места, в котором оно проживает.

Отметим, что предположение о том, что жители района являются антипрогрессистами и антипромышленниками луддитского толка, вряд ли выдерживает проверку даже простым здравым смыслом — Россия, хоть и с издержками, все же является индустриальной страной, а Воронежская область и ее районы являются частью центрального сельскохозяйственного и промышленного региона. Уровень образования, квалификации населения вполне соответствуют этому статусу.

Второе же предположение представляется более верным. Мнения граждан, высказываемые устно и письменно, вполне вписываются в официально признаваемую «картину мира», общую для большинства населяющих Россию — от рядового обывателя до премьер-министра. Основные ее черты таковы: современная экономика России — это экономика «трубы» и ресурсного проклятия. В таких условиях проект добычи никеля оценивается не как позитивная экономическая инновация, а как угроза того, что к нефтяной и газовой игле в чьих-то абсолютно неместных и даже не российских интересах может добавиться никелевая. Жители региона не верят, что добыча сырья в тех местах, где этого не делалось и где базой экономики является совершенно другое производство, принесет пользу кому-либо кроме узкой группы выгодоприобретателей — УГМК и швейцарской компании Glencor Internation AG. Мы видим, что общественное мнение находится вполне «в тренде» соответствующей проблематики, что находит свое подтверждение в уже упоминавшихся фактах открытого противостояния местного населения и работников УГМК, а также в оценках, которые население района и области дает, периодически собирая митинги протеста, против добычи никеля, привлекая внимание общественности и адресуясь к тем, кто может помочь предотвратить осуществление этого проекта. Негативная оценка экологических рисков, связанных с предполагаемой инновацией, и недоверие к ее инициаторам определили негативное отношение населения к проекту.

В марте 2014 г. новостной портал 36on.ru⁴ публикует данные нового социологического исследования ИС РАН по оценке показателей качества жизни и предпочтений в сфере социально-экономического развития жителей Новохоперского района (Мозговая, Шлыкова, 2014). Оно показывает, что мнение населения о добыче никеля кардинально поменялось — 40% населения заявили, что разработка никеля качество жизни улучшит существенно, 39% — отчасти. Примечательно, что оценка этой перспективы дополняется данными о том, что 55% респондентов оценивают экологически безопасные способы добычи никеля как теоретически возможные, но в современной России практически невыполнимые, 15% утверждают, что экологически безопасных способов такой

⁴ Портал 36on.ru. URL: <http://36on.ru/news> (дата обращения: 20.11.2015).

добычи не существует. При этом 49% опрошенных думают, что добыча никеля ничего не изменит в жизни конкретного человека, 21% — ухудшит ее, 30% — положительно скажется на его жизни.

Во втором варианте опроса сторонники проекта выглядят людьми более конкретными предпочтений. Но и упомянутая ранее «прямая пропаганда» не смогла поколебать 55% недоверия к возможностям экологически безопасной добычи никеля. Реальное выражение такого недоверия соседствует в общественном мнении с представлением о гипотетической, но абсолютно нереальной в местных условиях возможности эксплуатации месторождений в условиях строгих экологических ограничений. При этом 64% опрашиваемых отмечают, что слабо информированы о состоянии окружающей среды, 17% — совсем не информированы, 58% опрашиваемых отмечают, что деградация окружающей природной среды угрожает их жизни и 91% считает, что в этой ситуации от них ничего не зависит.

В целом ситуация свидетельствует о том, что общественное мнение еще не выработало окончательной ее оценки. И все же своеобразная окончательная оценка содержится в таких цифрах: 70% опрашиваемых считают, что решение о добыче никеля уже приняты, протесты ничего не смогут изменить, 12% не согласны с этим, 18% колеблются.

Таким образом, мы можем убедиться, что оценка состояния окружающей среды остается весьма негативной, степень предполагаемого экологического риска оценивается как высокая, перспектива ухудшения экологической обстановки в регионе представляется неизбежной и реальной.

Можно ли назвать экономически и, главное, социально перспективным проект, 70% предполагаемых участников которого считают, что он не внесет никаких изменений в жизнь отдельного человека или ухудшит их? К каким последствиям для региона приведет развитие производства, на котором хотели бы работать 2% местных жителей, не отказались бы — 19%, но совершенно не хотели бы — 47%?

Очевидно, рассматриваемая нами проблема многоаспектна, она имеет экономическую, политическую, экологическую, социальную составляющие. Мы ни в коей мере не будем касаться соображений *pro et contra* экономической выгоды и промышленных возможностей добычи. Более пристального внимания заслуживает экологическая сторона проблемы — отношение общества к изменению среды его обитания. Общим местом в обосновании важности экологической проблематики в любых научных исследованиях является признаваемая всеми необходимость экологического императива и коэволюции в отношениях общества и природы, сохранения существующих экосистем. Поскольку в современном мире не существует реального разделения среды на природную, технологическую и социальную, наиболее теоретически и методологически продуктивным представляется социологический анализ экологических проблем в рамках так называемой экологической социологии, или социологии общества риска (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман и разрабатывающий соответствующую проблематику в отечественной социологии О. Н. Яницкий).

Экологическая социология, как риск-рефлексия, настаивает на том, что наука должна прогнозировать социальные последствия изменений в системе человек — среда обитания до того, как они станут необратимыми. «Пора каждое экономически значимое решение переводить на язык его социальной и экологической цены. Если законодатели и чиновники этого не делают, то это должны делать мы» (Яницкий, 2009, с. 6).

Тем не менее в настоящее время проблема сознательно ограничивается ее экономическим содержанием, все же прочие стороны ее выводятся из круга широкого публичного обсуждения, опросов, общественных слушаний — т. е., всего того, что позволило бы объективно оценить хотя бы простое численное соотношение сторонников и противников добычи никеля, не только в масштабах Новохоперского района, но

и области в целом, детально проанализировав их позиции. Комментаторы отмечают, что жители Воронежа и области являются большими противниками добычи никеля, чем сами новохоперцы. Обеспокоенную общественность региона должен был успокоить факт появления «Общественного совета по контролю за комплексным освоением никелевых месторождений Воронежской области». Интересно, однако, что, несмотря на утверждения о том, что вопрос об освоении месторождения будет решаться лишь при согласии жителей региона, само название совета утверждает такое освоение в качестве неизбежной перспективы, не требующей чьего-либо одобрения. На сайте этого совета периодически появляются ответы на частные вопросы противников добычи никеля, данные о технико-технологических аспектах проблемы, экспертизых. И все же, если взглянуть жителей района на проблему может быть выяснен хотя бы по результатам двух исследований, то действия УГМК описывают лишь планы по развитию производства, позиционируя их как безусловное благо для региона, его жителей, экономики и даже окружающей среды. Декларация о намерениях, равно как небольшие финансовые затраты, конечно, могут стать неплохой частью явной пиар-кампании «за», однако все это не обеспечивает еще одной явно преследуемой УГМК цели — полного контроля над ситуацией и победы над теми, кто «против».

Мы полагаем, что для этого используются иные, не столь явные, теневые средства и возможности. Их специфический характер, разумеется, не может облегчить задачу анализа проблемы, однако не исключает его возможностей при использовании определенной методологии. В нашем случае роль такой методологии может выполнить дискурс-анализ, понимаемый в широком смысле как исследование производства социальной реальности в конкретных коммуникационных практиках — практиках взаимодействия двух противоборствующих векторов — УГМК и швейцарской компании Glencor Internation AG и поддерживающих их структур и персон, с одной стороны, и населения Новохоперского района и области — с другой.

Стратегия дискурс-анализа

Стратегия дискурс-анализа выбрана потому, что она «позволяет концептуализировать социально-значимые и социально-деструктивные техники производства смыслов, реализуемые различными социальными группами путем формирования дискурсов» (Виноградова, 2015, с. 47). Являясь «фактом и конструктом социальной реальности» (Кожмякин, 2006, с. 27), дискурс-анализ позволяет оценить содержательные аспекты и цели этих практик и выявить механизмы установления власти над тем или иным социальным пространством, начиная от простых — классических манипулятивных (Т. ван Дейк) — и кончая сложными сценариями, предусматривающими корректировку имеющихся ситуаций в нужном направлении, создание определенных версий происходящего в окружающем мире. Он позволит нам выяснить, каким образом осуществляется практический процесс разделения на риск-производителей и риск-потребителей, какие конкретные технологии и стратегии разрабатываются и применяются для успешного принуждения общества к легитимации рисков, игре по правилам риск-производителей, и к каким итогам это может привести.

Наше внимание привлекла также и работа Дж. Скотта, получившая в отечественном переводе примечательное заглавие «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшений условий человеческой жизни» (Скотт, 2005). Анализируя источники неудач всеобъемлющих проектов реформирования и модернизации, эта работа исследует не только их идеологию, но и технологию.

Приведенные нами результаты обоих социологических опросов весьма показательны — совпадают в одном — в вопросе о доверии к тем, кто предполагает осуществлять

проект, — 65% жителей района оценивают заинтересованность владельцев крупных российских предприятий в охране окружающей среды как низкую, а свою незащищенность от отравления вредными веществами, сбрасываемыми в окружающую среду, — как чрезвычайно высокую (91%). В целом общественные настроения по поводу экологических проблем проекта можно охарактеризовать как пессимистически-недоверчивые.

Доверие является основой социального капитала. Следовательно, отсутствие доверия граждан России к современным социальным и экономическим институтам может формировать лишь закрытый социальный капитал, ограниченный сферами непосредственного взаимного общения — семьей, соседством, немногочисленным дружеским кругом, что резко ограничивает возможные перспективы развития общества.

Достаточно спорная во многих отношениях работа С. Грина, примечательно озглавленная «Природа неподвижности российского общества», отмечает в качестве его отличительной черты практически полное отсутствие социальных институтов, которые позволяют гражданам обеспечивать и прогнозировать социальное взаимодействие — инклюзивных социальных институтов. «В деинституционализированной среде очень высоко ценится определенность, и баланс между определенностью и неопределенностью становится важнейшей ценностью. Тому, кто в силу своего статуса или положения может генерировать неопределенность, управлять ею, это обеспечивает огромную власть... В результате катастрофически снижается желание рисковать, поскольку... любые перемены таят в себе угрозу разрушения достигнутого» (Грин, 2011, с. 8). Определенность — т. е. фактическая неизменность — это заменитель социального капитала в тех случаях, когда ресурсы его исчезающе малы, а процессы накопления затруднены.

Очевидно, однако, что как бы ни был ограничен ресурс доверия, эти проблемы никогда не решаются по принципу «все или ничего». Доверие может уменьшаться и возрастать, его можно заслуживать и терять, но оно не может пребывать неизменным в меняющемся обществе. Можно предположить, что рациональный подход к проблеме любых предполагаемых инноваций мог бы состоять в нашем случае не в том, чтобы добиться от населения абсолютной поддержки или отрицания всех планов и проектов изменения экономики региона (в том числе и связанных с добычей ископаемых), но в попытках сформировать предпосылки развития, учитывающего цели всех его участников. Этот процесс, предположительно, должен включать в себя формирование и обсуждение не одной, но нескольких моделей развития региона, их обоснование, сравнение, конкуренцию, т. е. формирование рациональной — экономически, социально, экологически взвешенной их оценки, призванной минимизировать риски для жителей региона. Этот путь многовариантен, не свободен от издержек, но все же способен создать предпосылки консенсуса, в основе которого лежит необходимость учета интересов всех заинтересованных сторон. Он предусматривает процесс постепенного вовлечения этих заинтересованных сторон — населения, местных властей, бизнеса в диалог, за которым следуют конкретные меры по достижению баланса интересов всех участников процесса. Он не может исключать и возможности отказа от явно неприемлемых для участников этого процесса вариантов. Вопрос о доверии выступает здесь как предпосылка и необходимое условие для нововведений, касающихся жизни всех людей, проживающих на территории предполагаемых инноваций. Конкретные механизмы, способы и средства формирования такого «доверия на местах» — отдельная проблема. Контур ее очерчиваются в современных социоэкологических и других работах (Мордасова, 2010; Яницкий, 2015).

В нашем случае мы имеем дело с выбором принципиально другого пути, других средств и стратегий, направленных на достижение цели, желательной для УГМК и во многом неприемлемой для жителей региона. Рассмотрим их подробнее, не забывая о том, что в практике социального действия цель и средства всегда сосуществуют в отношениях взаимозависимости. Проанализировав средства, мы получим реальное, а не

декларативное представление не только о цели одной из сторон взаимодействия, но сможем доказать, почему эта цель неизбежно приводит общество к специфическому результату — упоминавшемуся нами состоянию управляемого хаоса.

Стратегия социальной дискретности

Итак, первая и главная из осуществляемых стратегий — *стратегия социальной дискретности, дробления общества и лишения субъектности*. В ней постулируется отсутствие у людей ценностей и интересов, определяемых местом их жительства. Для этого люди, в отношении которых данная стратегия используется, рассматриваются как члены любой другой группы влияния — диаспоры, мафии или даже конкурирующей компании, но не как жители этого места. Главная задача этой стратегии — доказать, что у людей просто не может быть собственных интересов, продиктованных именно общей для них «местной» сущностью. Всех и каждого из несогласных следует рассматривать вне места их жительства — это предоставляет широкие возможности во взаимодействии с властями и населением атрибутировать различные группы и отдельных протестующих сколь угодно негативно разнообразно — как невежественных, недобросовестно конкурентных, подкупленных, ретроградных, незнакомых со спецификой проблемы в полном объеме, — короче, как всех тех, интересы которых продиктованы абсолютно любыми статусными и групповыми характеристиками, но только не принадлежностью к устойчивой территориальной общности определенного места и времени. Депривационная стратегия позволяет наполнить традиционный принцип «разделяй и властвуй» новым содержанием. Традиционное, постоянное и систематическое властвование над неким социальным пространством не свободно от контроля и предполагает известную меру ответственности — нечто вроде социального аналога локус-контроля. Современной же модификацией этого принципа является дробление общества на предельно мелкие и разнообразные фрагменты, а затем создание видимости диалога и взаимодействия, якобы с целью учета всех без исключения (а не только местных) общих интересов. Это и есть генерирование хаоса — воздействие на общественное мнение с целью доведения общества до такого состояния, когда искомой становится любая внятная упорядоченность во взглядах на проблему, от кого бы она не исходила. В результате общество соглашается с девизом — «лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Меры по осуществлению социальной дискретности являются базовым, необходимым условием для осуществления всех прочих стратегий и, прежде всего, следующей, второй — по порядку перечисления, но не по степени важности.

Стратегия «элиминация доверия»

Вторую стратегию можно условно назвать «*элиминация доверия*». Мы уже останавливались на том, что именно недостаток взаимного доверия, наряду с девальвацией общих моральных ценностей, имеет пагубные последствия практически для всех сфер общественной жизни, лишая общество так называемого социального капитала. Новизна стратегии, в данном случае, заключается не в том, чтобы использовать этот ограниченный ресурс доверия путем утверждения доверия к себе и недоверия к оппонентам. Новая технология понимает очевидную невыполнимость этих задач. Именно поэтому предпринимается попытка «изъятия» доверия как социального и этического конструкта из всех отношений по поводу проблемы. Подчеркивается, что и противники, и сторонники добычи никеля имеют свои интересы, что, разумеется, верно, но сутью протеста провозглашается не защита и даже не попытка обоснования этих интересов (пусть даже ограниченных или ложно понимаемых), а то, что противная сторона просто не располагает

достаточными денежными средствами или прочими средствами давления. Утверждается, что, если бы они у нее были, она бы не преминула ими воспользоваться. Примечательно, что эта стратегия — единственная, которая используется обеими сторонами конфликта. В ней стороны уравниваются в правах на доверие — точнее, на его отсутствие. Закономерным следствием здесь также являются рассуждения о купленности, ангажированности, всяческого рода несамостоятельности оппонентов, — и не столь важно, какая из сторон быстрее объявит противоположную агентом чуждого влияния отечественной или мировой олигархии, мировой закулисы, объяснит ее действия происками тайных и явных конкурентов и т. п. Стратегия подразумевает, что в ситуации всеобщей беспринципности успешнее выживет тот, кто располагает большими организационными и материальными ресурсами для максимального освоения разнообразных методов участия в процессе борьбы. А они различны: тут и видимость дискуссий и обсуждений под лозунгом «сам такой», расширение *know how* конкретных практик подкупа и шантажа — пояснений, что противная сторона не просто куплена конкурентами, но просто все куплены всеми, кто может предложить что-либо. Далее следует список купленных и набор средств платежа — деньги, слава, популярность, политические дивиденды, итоги будущих и прошлых выборов. Эта стратегия основана на компрометации базовых ценностей и призвана исключить самую возможность наличия идеальных мотивов и гражданских оснований в деятельности оппонентов, заменяя их инструментальными целями.

Стратегия «безопасность вместо необходимости»

Третья стратегия логически дополняет предыдущие и может быть названа «*безопасность вместо необходимости*». В условиях, когда людям навязывается крайне непопулярная для большинства перспектива (в данном случае добыча никеля), попытка выяснить, кому же конкретно она реально необходима и выгодна, блокируется утверждениями и рассуждениями о ее безопасности для всех. Они должны создать иллюзию столь же всеобщей необходимости, хотя в реальности безопасность, удобство, функциональность вовсе не тождественны необходимости. В нашем же случае логику «добыча никеля может быть безопасна, поэтому его необходимо добывать в любом месте, где его можно найти» призваны подтвердить многочисленные экспертизы и демонстрации сложных технических систем, гипотетически могущих быть использованными для обеспечения безопасности, ставшей синонимом необходимости. Это позволяет игнорировать все предлагаемые помимо добычи никеля альтернативы развития региона.

Не призывая к отмене экспертных оценок и экспертиз, отметим, что эта стратегия использует в своих целях особенности существующего сциентистского подхода к экопроблемам. С его помощью всевозможные экспертные оценки ситуации (как и экспертные сообщества) становятся институтами, легитимизирующими технологические и социальные риски, а сам институт экспертизы, делящий общество на экспертов и всех остальных, не вызывает у населения ничего, кроме стойкой реакции недоверия к науке и технической сфере (Яницкий, 2003, с. 18). Эта стратегия дает возможность сослаться на техническую, технологическую, геологическую — любую другую — некомпетентность всех тех, кто не является сторонником добычи никеля.

Стратегия «презумпции ретроградности»

Так на свет появляется четвертая стратегия. Она может быть названа «*презумпцией ретроградности*». Признаком ретроградности наделяется все существующее (район и его жители до добычи никеля) в противовес всему будущему, еще не существующему, перспективному (освоение никелевых месторождений и начало этой добычи). Именно

это отличие должно автоматически представить проблему как борьбу сил прогресса с силами реакции — технической (и социальной) отсталости и общей ретроградности вне какого-либо реально содержательного контекста. Именно эта стратегия помогает, по выражению Дж. Скотта, проложить «узаконенный путь преуспевания» структурам, берущим ее на вооружение.

Стратегия эксплуатации атемпоральности российского общественного сознания

Пятую стратегию можно условно охарактеризовать как *современную* (в противоположность традиционной) *эксплуатацию атемпоральности российского общественно-го сознания* — генерирование своего рода атемпоральности наоборот. В противовес устойчивой в прошлом идеологии грядущих великих свершений и светлых целей, для которых надо жертвовать настоящим, насаждается убеждение в ценности сегодняшнего дня. В нем возможно разрешение насущных проблем путем создания рабочих мест, реализации инфраструктурных проектов и общий рост экономики. Все это станет возможным, только если здесь сейчас и немедленно приступить к осуществлению добычи никеля. Риск-производители всегда «склонны рассматривать конкретные регионы, территории и населяющие их общности как ресурсные ареалы, тогда как риск-потребители видят в своих городах и поселках прежде всего пространства, необходимые для жизни» (Яницкий, 2003, с. 33–34). Чтобы это противоречие не обнаруживалось слишком явно, используется традиционная российская логика атемпоральности: первый (предшествующий) ее вариант утверждал: сейчас плохо, но возможно потом будет хорошо. Второй (современный) — сейчас мы должны жить хорошо, и неважно, что будет потом. Никто не даст рациональных объяснений, почему люди должны не только воспринимать подобную логику, но и полагать ее в основу своей жизни и личных перспектив.

Стратегия «призрак майдана»

Шестую (и самую новейшую) стратегию можно условно обозначить как «*призрак майдана*». К ней относятся попытки рассмотреть любые виды и формы социального протеста в качестве угрозы власти, политической стабильности, обвинив всех несогласных в том, что они «рвутся к власти» или «раскачивают лодку». Издержки этой стратегии состоят не просто в том, что неполитическим сферам и формам протеста приписывается несвойственное им политическое содержание в целях эксплуатации врожденной подозрительности отечественных властных структур и персон. В такой ситуации любая организованная структура, располагающая материальными ресурсами, получает возможность провозгласить себя оплотом и защитой стабильности, отождествляя себя с властью. Именно таким образом происходит аномальная политизация многих российских отношений и противоречий — от проблем ЖКХ до проблем окружающей среды и экономики региона.

Заключение

В целом все описанные нами стратегии имеют общую черту, своеобразный родовый признак — они проникнуты стремлением предельно сузить «коридор» возможности влияния человека на непосредственные условия его жизни. В них индивиду отводится роль не социального субъекта, но объекта, ресурса, пассивного потребителя, ограниченного в понимании своих нужд и возможностей. В результате их применения общество лишается той сложности, которая является залогом стабильности и способности

к самоорганизации и развитию. Эти стратегии социальной дискретности одновременно являются и стратегиями фактической демодернизации. Они формируют специфическое общество и соответствующие процессы в нем. Рассмотренные нами стратегии социального манипулирования одновременно являются и стратегиями деструкции зачатков гражданского общества, выращивания того, что в психологии называется «выученной беспомощностью», а в управлении — социальной безответственностью.

В результате на место практики социального взаимодействия приходит социальная «мерзость запустения» — тот самый хаос и разруха, которые воцаряются не только в головах и местах общего пользования, но в обществе в целом. Они порождаются, прежде всего, отсутствием чувства ответственности, включенности в социальные процессы.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что планируемое УГМК освоение никелевых месторождений, даже если оно будет осуществлено, не будет иметь позитивных последствий для региона, экономики и общества в целом, поскольку практикуемые добывающей компанией (а частью и всеми сторонами конфликта) социальные стратегии не только не формируют социальных условий для развития региона, но практически исключают саму возможность такого развития.

Литература

Виноградова Е. Ю. Познавательные возможности дискурс-анализа в социальном исследовании. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vinogradova_pozn.pdf (дата обращения: 20.11.2015).

Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. 2011. Январь — апрель. С. 6–19.

Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Общество. Управление. 2006. № 3. С. 25–39.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Оценка социологических показателей качества жизни и предпочтений в сфере социально-экономического развития жителей Новохоперского района Воронежской области. Аналитическая записка. М.: 2014. URL: <http://za-hoper.ru/Docs/otchet%20voronezh%202014%20final.pdf> (дата обращения: 20.11.2015).

Мордасова Т. А. Факторы развития общественного участия в современной российской публичной политике // Власть. 2010. № 1. С. 30–33.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

Халий И. А. Общество и природа-эволюция новейших теоретических концептов // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 138–149.

Яницкий О. Н. Кризис и социология // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 3–13.

Яницкий О. Н. Об эволюции международных сравнительных экосоциологических исследований // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 98–106.

Яницкий О. Н. Социология риска. М.: LVS, 2003.